

Легенда о старом маяке

Автор:

Джулианна Брандт

Легенда о старом маяке

Джулианна Брандт

Дом тьмы

Гленнон гостит у дяди, работающего смотрителем маяка на таинственном острове, окутанном туманом. Однажды мальчик становится свидетелем кораблекрушения и видит, как спасаются несколько моряков. Но лица у них совсем бледные, а ещё они страшно боятся местного кота... Тем временем жители острова готовятся к какому-то жуткому празднику. Поговаривают, что после праздника с острова уже никому не выбраться... Неужели мальчику придётся остаться здесь навсегда?

Джулианна Брандт

Легенда о старом маяке

© Муравьёва Е.А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Ветер сотрясал оконные рамы дома третьего смотрителя маяка Грейвинг, пытаясь проникнуть внутрь. Стёкла непрерывно дребезжали. Клубы тумана за окном складывались в ухмылку, становившуюся всё шире и шире. Туман устоялся на Гленнона Маккью.

Бесшумно ступая, в комнату вошла мама Гленнона с кастрюлей овощного рагу, которое он терпеть не мог. Запах брюссельской капусты и зелёной фасоли смешивался с запахом сырости с улицы. От такого аромата Гленнона замутило.

– Прекрасный вечерок... – Мама налила себе чаю, придерживая крышку чайника, чтобы она не свалилась.

Гленнон задумчиво посмотрел в окно: порывы ветра словно клацали зубами и царапали когтями стекло.

– Духи ветра, – пробормотала Лина за его спиной.

– Не говори так. Духов ветра не бывает, – сказал Гленнон.

Разницу между настоящим и выдуманным Лине всегда объяснял папа. Но сейчас он был далеко, и эта обязанность перешла к Гленнону. Гленнон не знал, какие сказки и предания имела в виду Лина, но он твёрдо понимал необходимость всё время напоминать ей, что волшебных существ не бывает.

– Я люблю говорить о них, – заявила Ли.

– Папе это не понравилось бы!

– Но его здесь нет!

Он начал было говорить, что если папы нет здесь, то это не значит, что не надо его слушаться, но тут лестница возле маленькой столовой закрипела, и по покосившимся ступенькам спустился дядя Джоб. У него были настолько широкие плечи, что он даже не помещался в дверной проём. Ещё несколько месяцев назад он работал на маяке на побережье озера Верхнего[1 - Озеро Верхнее существует на самом деле. Оно расположено в Северной Америке, на границе с Канадой, одно из Великих озёр. Индейцы называли его «Большая Вода». Самое большое по площади озеро в мире! (Здесь и далее примеч. ред.)], но сильный шторм затопил маяк и сломал настилы. Правая рука дяди была вся в красных шрамах от ранений, полученных во время шторма. Гленнону было больно на них смотреть. Так дядя Джоб оказался на острове Филиппо – его перевели сюда на время ремонта маяка.

Дядя Джоб уселся во главе стола. Как обычно, он внимательно оглядел стулья и тех, кто на них сидел. Он поднял брови, словно не понимая, откуда в его доме взялись гости. Честно сказать, Гленнон и сам этому удивлялся. Его отец заключил контракт и уехал преподавать где-то «за морями», однако они вовсе не собирались жить у дяди. Обычно, когда отец уезжал, они перебирались к бабушке Гленнона. Но в прошлом году она умерла, и мама решила, что они переедут на север к её брату.

Отлучки отца становились всё длиннее. Сперва его не было неделю, в следующий раз – уже три. Месяц превращался в два. В этот раз он уехал на целый семестр занятий. Семейство Маккью прибыло на маяк Грейвинг на острове Филиппо в начале сентября и планировало уехать в конце декабря – оставалось ещё четыре дня, до того как перестанет ходить паром и глава семьи вернётся домой.

Мама поставила чашку на блюдечко и опустила руки на колени. Ли сидела в такой же позе, выпрямив спину, будто готова просидеть так вечность. Гленнона мелко потряхивало от напряжения. Все ждали. Наконец дядя тяжело вздохнул и приступил к еде.

Гленнон скучал по отцу. Тот всегда болтал за обедом. А сейчас Гленнон слышал только волчий вой, раздававшийся с улицы. Но это были не волки. Мальчик насадил фасолину на вилку. Это ветер...

В столовой раздался пронзительный вопль, проникший в комнату через щели в окнах, и волосы у Гленнона на затылке встали дыбом.

В какой-нибудь сотне метров завыл ревун маяка. Звук переполнил комнату. Гленнон закрыл уши руками, у него заболела голова.

Ли вскочила. Она словно забыла обо всех приличиях: лицо сморщилось, спина согнулась горбом, губы сжались. Ей стало тяжело дышать. Гленнон не успел проследить за сестрой, только краем глаза он уловил, как её тощенькое тельце исчезает под столом.

Мамина чашка задрезжала. Мама попыталась придержать её рукой, а Гленнон заглянул под стол. Но Ли уже сбежала из столовой, как будто её тут и не было.

Ревун снова взвыл. Когда туман с озера Верхнего застилал остров Филиппо, смотрители маяка включали ревун, чтобы корабли могли определить его местоположение.

Дядя Джоб протянул Гленнону широкую ладонь, на которой лежали две пары ярко-красных одноразовых берушей. Гленнон вставил их себе в уши, и жуткие звуки притихли. Дядя Джоб огляделся в поисках Ли.

Гленнон уставился на оставшуюся пару берушей и напрягся: когда Ли убегала в панике, никто её не разыскивал, предполагалось, что она сможет успокоиться сама. Но это был дом дяди, а не папин: здесь были совсем другие правила, так что Гленнон взял вторые беруши и отправился искать Ли в кладовке под лестницей.

Дверь была нараспашку. В глубине, среди одежды, сидела Ли, обхватив колени. Дома она всегда пряталась между кроватью и стеной, накрывшись с головой одеялом. Но здесь не было такого укрытия, и она выбрала кладовку.

Такая Ли была совсем не похожа на обычную. В чём-то она напоминала папу: могла спорить с Гленноном до тех пор, пока у него ум не заходил за разум, и была так уверена в себе, что Гленнон не знал, что сказать. Но другая её часть – испуганная, сжавшаяся в комочек – словно поглощала ту, первую. По крайней мере, на время.

– Вот тебе беруши, чтобы заглушить звук ревуна, – сказал ей Гленнон.

Потом он снял с вешалки свой плащ и надел его, прежде чем закрыть дверь. Ему нужно было выйти наружу.

Гленнон вернулся в столовую и увидел, что дяди там нет. Мама сидела и неторопливо пила чай, как будто никто и не уходил.

– Как там Лина? – спросила она.

Гленнон едва слышал её слова сквозь затычки в ушах.

– Ли – это Ли, – ответил он, словно это всё объясняло.

Мама понимающе кивнула, и тут ревун испустил новый вопль.

Гленнон подскочил.

Мама лишь чуть вздрогнула.

– Скажи спасибо, что у тебя есть крыша над головой. – Она подняла чашку, как будто чокаясь с невидимым гостем, сидевшим перед ней.

– Говорю, – ответил Гленнон, хотя быть благодарным и быть счастливым – это совсем разные вещи. Ему-то хотелось быть счастливым. – Я выйду.

– Не разговаривай с посторонними, а если придётся, обязательно упомяни дядю, чтобы люди знали, что ты здешний, а...

– ...Не посторонний. Да знаю я, мам!

Она говорила это каждый раз, когда он или Ли уходили.

Гленнон попятился из столовой, расстроенный. Он знал, что мама одиноко сидит за столом, а Ли одиноко плачет в кладовке. Мальчик не представлял, как им помочь, и это причиняло ему невыносимую боль. Поэтому, чтобы отвлечься, он решил прокатиться на велосипеде.

Гленнон толкнул дверь и вышел на улицу. Ветер подхватил его и обмотал ноги полами плаща, словно хотел утащить. За спиной мальчика виднелся берег озера Верхнего, над которым громоздились высокие утёсы со стоящим на них маяком Грейвинг. За маяком располагались три домика смотрителей. Первого, второго и третьего – третьим был дядя Джоб. Вокруг был лес из сосен и берёз, заросший кустарником. Опавшие листья, голые деревья – всё уже готовилось уснуть на зиму.

Гленнон выкатил велосипед из небольшого сарайчика у главной дороги к маяку. Дома, в Миннеаполисе, в это время уже горели бы уличные огни. А на острове Филиппо не было электросети, словно время остановилось где-то в 1909 году.

Мальчик вскочил на велосипед и включил фонарик на руле. Гравий скрипел и хрустел под колёсами, а Гленнон, напрягая мышцы, крутил педали. Холодный воздух обжигал лёгкие, и внезапное решение уехать на велосипеде подальше от тёплого дома смотрителя показалось мальчику ужасно глупым.

Лес тесно обступал Гленнона.

Что-то в этом лесу было не то. Мальчик осмотрелся. Вершины деревьев склонялись над ним. Голые ветви, словно пальцы скелетов, тянулись к его волосам. Ветер бил в лицо, хлестал по щекам и шее. С озера поднимался туман и расстилался вокруг, поглощая остров. И на небе, в тумане, среди ветвей-скелетов, стало проявляться лицо.

«Да ну, – подумал Гленнон, – лицо в тумане – что за ерунда! Домой пора!»

Он развернул велосипед и снова закрутил педали, торопясь вернуться к Грейвингу. Гравий под колёсами скользил так, будто мальчик ехал по льду.

Краем глаза он заметил зверька, вынырнувшего из леса. Крыса бросилась через дорогу, прямо ему под колёса. Гленнон закричал, стараясь увернуться, и крыса проскочила как раз между колёс.

Мальчик засмеялся, удивляясь, как он её не задавил. Оглянувшись, Гленнон увидел, что крыса сидит на обочине. Её глаза горели ярким зелёным светом неприятного оттенка, который он видел однажды в небе, перед тем как на город налетел ураган. Смешок застрял у него в горле, и Гленнон сосредоточился на

дороге.

Внезапно прямо на его пути возник мальчик. Туман клубился за его спиной, а в глазах, которые были такого же цвета, что и у крысы, отражался луч велосипедного фонарика.

Гленнона охватила паника. Он вцепился в руль и резко затормозил. Гленнона швырнуло в сторону. При падении он почувствовал острую боль в рёбрах, прямо под грудиной. Леденящий холод охватил мальчика, словно он нырнул в глубины озера. Страх душил его: он сковал его руки, ноги, голову – всё, что заставляло работать его тело.

Гленнон упал на дорогу, а велосипед – ему на ногу. Гравий впился в кожу и порвал штанину. Гленнон лежал в тени деревьев, тяжело дыша и слушая торопливые удары сердца, сильно бьющие в уши из-за берушей.

Леденящий холод отступил, остался только озноб от страха, который он испытал минуту назад. Грудь болела так, будто он налетел на толстый сук и сломал рёбра.

– Я не задавил тебя? – спросил Гленнон, хотя не почувствовал удара от столкновения с мальчиком. Он поморгал. Сумерки... на дороге никого нет, кроме Гленнона и...

– Ах ты, глупый кот! – закричал он.

Их кот Симус уставился на него с большого плоского камня возле дороги. Ли любила расчёсывать его густой и длинный серый мех. Кот поднял лапу в белом носочке и принялся вылизывать её до блеска. В сумерках светились кошачьи зелёные глаза.

Гленнон сел, опустив голову на колени. Он глубоко дышал, пытаясь прийти в себя.

«Рассуждай здраво!» – говорил отец, когда Гленнон чего-то пугался.

– Рассуждай здраво! – сказал себе Гленнон. Не было на дороге никакого мальчика. Он просто кота видел.

– Дурак ты! – сказал он Симусу.

Мальчик поднял велосипед и потихоньку покатил его к дому третьего зрителя. По дороге Гленнон несколько раз оборачивался: ему казалось, что кто-то следует за ним по пятам.

2

Гленнон, хромя, вошёл в дом дяди Джоба. Он сразу почувствовал себя в безопасности, и сердце его стало биться спокойнее. Теперь, вернувшись в Грейвинг, он готов был сам над собой посмеяться. Папа не раз говорил ему, что в тринадцать лет уже нельзя так легко пугаться.

Вслед за Гленноном в дом проскользнул растрёпанный Симус с прижатыми ушами. Гленнон хотел перенести кота через двор, где ветер дул свирепее всего, но Симус зашипел, лишь только он нагнулся. Кот никогда особо не любил мальчика, но прежде на него не шипел.

Распахнув дверь, Гленнон сразу же с силой её захлопнул, чтобы защёлкнулся замок. Ветер завыл в щелях – это было так похоже на плач Ли, что Гленнона передёрнуло.

– Что-то здесь не так, – раздался голос Ли у него за спиной. – Ты тоже это чувствуешь?

Обернувшись, он увидел, что дверь кладовки чуть приоткрыта. В щёлочке блестел глаз Ли. Слезы прочертили дорожки на её бледных щеках. Гленнон всегда поражался, что она забывает свои страхи так же легко, как и погружается в них.

Гленнон сощурился, как кот, и не стал отвечать Ли – она, конечно, права: что-то странное творится на острове Филиппо. Но он не понимал, что именно.

– Может быть, это банши, – сказала Ли, кивнув на дверь, за которой бесновался ветер.

Симус попытался просунуть голову в приоткрытую дверь. Ли впустила его, и он исчез в тёмных глубинах кладовки.

– Это не банши, – сказал Гленнон, хотя и не знал наверняка, кто такие банши. Пускай Ли объясняет все странности острова наличием чудовищ. Гленнон был, наверное, не слишком умён – к сожалению, он не унаследовал ум от отца, – но и такой безграничной фантазией, как Ли, тоже не обладал.

– То ты утверждаешь, что снаружи разгулялся ветер, то говоришь, что это банши. Выбери уже что-то одно.

– А почему не может быть всего сразу?

– Потому что так не бывает, – Гленнон плюхнулся на ступеньки, обессиленный после падения с велосипеда. – Откуда ты знаешь про всех этих созданий?

– Кино смотрю.

– Я тоже смотрю. Но про банши первый раз слышу.

– Так ты смотришь про Индиану Джонса, а я про всякие полезные вещи!

– Ну да, фильмы про чудовищ.

– Да. – Ли с треском захлопнула дверь и добавила: – Между прочим, у тебя на штанах огромная дыра. Вид жуткий!

Гленнон взглянул вниз и убедился, что она права: левая штанина была разорвана выше щиколотки сантиметров на десять. Он чувствовал себя ужасно. И этот ужас угнездился где-то глубоко в груди. Мальчик потёр ушибленное место, пытаясь понять: это скверное ощущение от ушиба или это что-то другое. Ему казалось, что вот-вот случится нечто ужасное... или уже случилось, но он об этом пока не знает.

Ревун снова завыл, но теперь шум бури почти заглушал его.

Порывшись в кармане, Гленнон вытащил оттуда измятую открытку от папы. Его почерк с завитушками иногда было трудно разобрать. Он походил на волны озера Верхнего, налетающие одна на другую и исчезающие во тьме.

Папа был краток:

«В Брюсселе прекрасный исторический музей!»

На открытке был изображён бельгийский университет, где папа преподавал в этом семестре.

– Это скверная лужа, – сказал папа, когда узнал, что мама собирается переехать на озеро Верхнее на всю осень. Он попытался найти в атласе остров Филиппо, но острова на карте не было: слишком маленький.

– Озеро Верхнее любит топить корабли, – сказала Ли.

– Озеро не может «любить» топить корабли, Ли. Оно просто существует, и погода случается разная. На этом озере часто бывают сильнейшие шторма, и те, кто здесь плавает, это знают и умеют их предсказывать.

Гленнон потряс головой, чтобы избавиться от воспоминания, и вслух пожаловался, что подлец Симус оцарапал его (словно и правда говорил с папой).

«Страх – животный инстинкт», – ответил бы папа. Он часто так говорил, когда Гленнон просыпался от ночных кошмаров. «Мы не животные, Глен...»

– Значит, мы не должны вести себя как животные, – закончил Гленнон вслух.

Он вспомнил мальчика на дороге. Гленнон попытался забыть о своём страхе и рассуждать здраво.

– Глен, – сказал он сам себе, понизив голос, чтобы было похоже на папу, хотя он терпеть не мог своё уменьшительное имя, – ты должен понимать, что наш мозг эволюционно развивался тысячи лет, чтобы научить тебя защищаться от

хищников. Сегодня свет твоего фонарика на руле отбросил гигантскую тень от Симуса. Тень была похожа на мальчика, а глаза Симуса светились в темноте. Всё так просто, мог бы сразу сообразить!

– Сам с собой разговариваешь? – спросила мама, выходя из столовой.

Гленнона прошиб пот.

– Да нет, я... Здесь был Симус, это я с ним... – хотя Симус остался с Ли. Гленнон сомневался, что разговоры с котом – хорошее оправдание, но признаться, что говорил сам с собой, было бы ещё хуже.

Мама стала подниматься по лестнице, её шаги были совсем не слышны за воем ревуна.

– Мам, зачем было переезжать? – Гленнон чувствовал, что сердится. Он считал, что лучше было бы вообще сюда не приезжать.

– Ты спрашиваешь, почему мы уехали из дома или почему мы приехали именно сюда?

Гленнон смотрел на спокойное лицо мамы. Она, казалось, никогда ничего не чувствовала, и это его озадачивало, потому что он-то чувствовал многое.

– Глен, мне не нравится жить в нашем доме, когда папы нет. – Мама потихоньку бесшумно поднималась по лестнице, даже ступеньки не скрипели. – Надо было где-то жить, а бабушки не стало. Вот и пришлось перебраться сюда.

Она исчезла наверху, а Гленнон не мог перевести дух, осознав, что им некуда было больше деться. Он вспомнил, что никогда не мог понять, почему мама не хочет оставаться дома одна.

– Не доводил бы ты маму до слёз, – перед ним возникла Ли с Симусом под мышкой. Кот зашипел на Гленнона.

– Я не доводил! – возмутился Гленнон. Он бы никогда не довёл маму до слёз. Ли возникла перед ним неожиданно, словно ниоткуда. И как только женщины в

этой семье передвигаются так бесшумно? – Мама никогда не плачет!

– Если ты никогда не видел, как мама плачет, это не значит, что она никогда не плачет! – щёки Ли загорелись злым румянцем, и она тоже поднялась на второй этаж.

Гленнон двинулся прочь от лестницы, чувствуя, будто его дважды поразили прямо в сердце: сперва мама, потом сестра. Он побрёл через столовую на подгибающихся ногах. На кухне он взял ломоть хлеба и отрезал сыра. Мальчик медленно жевал, глядя на туман за кухонным окном.

...Бум! Ревун словно захлебнулся. Звук был такой, как будто часть утёса откололась и рухнула в озеро. Гленнон замер, не донеся бутерброд до рта. Он ждал нового падения или содрогания земли. Если бы утёс продолжал рушиться, мальчик бы почувствовал...

Он вгляделся в туманную мглу. Справа возник луч света и двинулся влево. Гленнон следил за ним, пока луч не исчез из поля зрения за кухонной дверью. Прижавшись к оконному стеклу, Гленнон увидел, как первый смотритель, по имени Орвелл, сгибаясь под ветром, спешит к маяку с фонарём в руке.

Гленнон понял, что дядя уже ушёл на маяк. Он исчез сразу же, как начал завывать ревун, включённый вторым смотрителем, который был на вахте. Значит, сейчас все трое смотрителей на маяке. Почему же требовалось их присутствие? Наверное, это как-то связано с раздавшимся только что грохотом...

Гленнон поспешно застегнул плащ, надвинул капюшон и открыл дверь, чтобы пойти следом за первым смотрителем. Ветер сразу же распахнул дверь, и Гленнону пришлось навалиться всем телом, чтобы её закрыть. Несмотря на ветер, маяк был окутан туманом, поглощающим луч яркого света на верхушке. Гленнон не видел света, но знал, что он должен пульсировать: зажётся – погас, зажётся – погас...

Маячная башня была кирпичная, снизу и сверху покрашенная белым, а посередине тёмно-синим, так что эта часть сливалась с темнотой. Добравшись до башни, Гленнон прижался к кирпичам, чтобы успокоиться, прежде чем обходить маяк. Глубоко вздохнув, он двинулся к той стороне маяка, которая выходила на озеро, на его бурные, злобные воды.

Гленнон обогнул маяк. В тумане нарисовались голова и плечи дяди Джоба, остальное поглощала дымка. Гленнон тихонько подошёл сбоку и заметил, что первый смотритель Орвелл и второй смотритель Ортес тоже стоят рядом.

Ветер пытался сорвать капюшон, но Гленнон крепче сжал его под подбородком. Холодный воздух проникал под плащ, царапая спину. Дядя Джоб протянул руку, чтобы Гленнон мог воспользоваться его мощным телом как щитом.

Гленнон взглянул на дядю. Его тёмную бороду трепал ветер, вокруг клубился туман, и на какой-то миг он показался могучим деревом, которое заливают вода и у которого ветер обрывает листья. Ветер усилился и разогнал туман... Гленнон заморгал, отгоняя странное видение, а потом взглянул правее, туда, куда указывал дядя. Густая дымка накрыла всё озеро и беснующиеся далеко внизу волны.

Ветер взвыл, оглушая даже через беруши. Гленнон ухватился за куртку дяди, чтобы его не унесло, и мгновенно весь мир словно выдохнул – подножие утёса очистилось от тумана. И тут Гленнон увидел, на что обратили внимание смотрители: маленькое судно у самого утёса. Главная палуба треснула. Удары волн всё сильнее раскачивали его.

У Гленнона перехватило дыхание.

Матросы металась по палубе, тащили верёвки, ящики, доски... Они что-то кричали, но слова уносил ветер. Огромная волна накрыла палубу. Когда она схлынула, Гленнон увидел, что одним человеком стало меньше.

Один матрос, прижимаясь к борту, взглянул вверх. Лунный свет озарил его, но глаза оставались в тени. Он помахал рукой стоящим на утёсе. И они помахали в ответ.

Снова надвинулся туман и поглотил утёс. Человек и корабль исчезли.

Дядя Джоб закрыл дверь маяка, и от внезапной тишины у Гленнона закружилась голова. Он стал было вытаскивать беруши, но тут снова оглушительно взвыл ревун.

Как можно было помочь матросам?

– Туман накатил быстро и такой густой, – сказал второй смотритель Ортес, примерно ровесник дяди Джоба, лет за тридцать. В его тёмных волосах проглядывали длинные шрамы, как будто медведь давным-давно деранул его когтями. – Я не ожидал этого. Надо было раньше включить ревун. Это моя вина.

– Нет, – голос дяди раздался прямо рядом с Гленноном.

Гленнон с удивлением понял, что прижимается к дяде, словно малыш в поисках защиты. Он заставил себя отойти на шаг, хотя в его тело тут же проник неприятный холод.

– Корабли терпят крушения, – сказал первый смотритель Орвелл. По его гладкому чёрному лицу невозможно было понять, о чём он думает. – «Анабет» ходила по озеру много лет. Капитан знал, как рискованно плыть в это время года.

– И что теперь делать? – выпалил Гленнон.

Все стояли, как будто ждали, что кто-то ещё придёт на помощь. Но никого не было – здесь были только они!

– Спуститься с утёса не получится, и плыть тоже слишком опасно. Пытаясь им помочь, мы только сами погибнем, – смотритель Орвелл покачал головой. Его седые волосы смутно блеснули в свете лампы. – Кто-нибудь хочет умереть?

Гленнон встретился с ним взглядом.

– Нет!

Смотритель Орвелл хмыкнул и отошёл от остальных, а потом направился вверх по лестнице к маячному фонарю. Его шаги тяжело отдавались на железных

ступенях.

– Ну что же вы? – воскликнул Гленнон. – Они же все погибнут!

– Орвелл уже очень давно смотритель маяка, Гленнон. Он видел много крушений и много смертей. Он прав, – дядя Джоб повернулся к нему и печально добавил: – Пока прогнозы погоды не станут точнее и пока не появятся приборы, позволяющие судам лучше видеть, что творится вокруг, плавать будет опасно, особенно во время шторма. Этот остров нередко становится свидетелем несчастия. Мы подали сигнал опасности. Это всё, что мы можем сделать, пока шторм не уляжется.

Всё, что они могли сделать, – это ничего не делать? Какая бессмыслица!

– И что же теперь?

– Что теперь? – отозвался второй смотритель, стоя у подножия лестницы. – Теперь мы ничего не будем делать, а ты отправишься домой спать.

Гленнон взглянул на дядю Джоба, но тот лишь кивнул и подтолкнул Гленнона к заднему входу в маяк, который вёл не на утёс. Гленнон замешкался в дверях, оглянулся и увидел, что дядя исчезает на лестнице вслед за первым и вторым смотрителями.

Смотрители шли наверх, подмётки их ботинок мелькали сквозь металлическую решётку. Гленнон смотрел, как они уходят, и злился, что они так просто сдались. Они даже не пытались! Но ощущение, что что-то не так и чего-то не хватает, усиливалось. Он затих и ждал, слушая, как ветер завывает вокруг маяка Грейвинг, как волны бьются о скалы, и ему казалось, что за всем этим шумом он слышит крики погибающих моряков. Наконец он понял, в чём дело: смотрители находились прямо над ним, но он не слышал ни одного их шага.

Гленнон вернулся к двери, сказав себе, что, должно быть, их шаги по металлической лестнице не слышны из-за шторма. Должно быть, так.

Он вышел, и тут же ветер хлестнул по ушам. Ветер рвал плащ, но Гленнон не замечал его невидимых пальцев. Он был слишком погружён в размышления.

Добравшись до дома, мальчик никак не мог ухватить влажными из-за тумана пальцами дверную ручку. Только с третьего раза ему удалось её повернуть. Дверь распахнулась, ударившись о стену. Гленнон закрыл дверь и повесил мокрый плащ на крючок с внутренней стороны.

Ему было трудно дышать. В голове теснились воспоминания. Мальчик пытался прогнать их, но становилось только хуже. Он нашёл верное слово: беспомощность. Думая о кораблекрушении, он чувствовал себя беспомощным.

БАХ!

Гленнон подскочил. Что-то ударило о дверь снаружи. Он прижал руки к груди, стараясь унять бешено колотившееся сердце и всмотрелся в окно, но снаружи ничего не было видно. «Спокойнее», – подумал он. Наверное, это что-то, принесённое ветром.

Тут прямо перед ним возникло лицо мальчика, белое, залитое водой, глаза его ярко светились в темноте. Гленнон чуть не заорал.

– Ты должен помочь! – мальчик с трудом шевелил синими от холода губами. – Они взбираются по верёвке! – Он повернулся и побежал по тропинке вниз к утёсу.

Адреналин переполнил тело Гленнона. Вот что ему нужно: нужно помочь кому-нибудь! Особенно после того, как он так позорно не смог сегодня помочь никому – ни маме, ни сестре, ни терпящим бедствие на корабле. Может быть, если Гленнон сумеет помочь мальчику, остров уже не будет казаться ему таким неприятным местом. Может быть, ему перестанет казаться, что здесь всё как-то не так.

Гленнон отправился следом. Тёмный силуэт мальчика мелькал в тумане – были видны его затылок, плечи, бегущие ноги. Гленнон нырнул в туман, стараясь удержаться на скользких камнях тропинки. Верхушка Грейвинга виднелась над густым туманом, свет ярким пятном выделялся на чёрном небе. Несколько огромных глыб окружали основание маяка, укрепляя кирпич, выкрашенный белым. Заметив что-то краем глаза, Гленнон споткнулся, озадаченный – если маяк здесь, то утёс должен был быть...

Мальчик остановился, но слишком резко, споткнулся о камень и упал, ударившись грудью и подбородком. Уже второй раз за день боль пронзила всё его тело.

Он вытянул руку, чтобы опереться и подняться. Но... нащупал только пустоту.

Гленнон вскрикнул и осмотрелся: перед ним был лишь туман... Утёс. Если бы он не споткнулся, то полетел бы через край. Он прижался лбом к земле. Его мутило. Гленнон заметил, что рядом, слева, скорчился мальчик.

– Я не хотел, чтобы ты упал! – закричал тот тонким голосом, как эльф, о которых говорила Ли.

Гленнон с трудом перевёл дыхание, хрипло втягивая воздух. На земле между ним и мальчиком лежала толстая, пропитанная водой верёвка. Одним концом она была привязана к металлическому крюку, вбитому в скалу на краю обрыва. Гленнон заглянул за край, но туман был слишком густым, в паре метров ничего не было видно.

Внезапно мгла закрутилась, обвивая тёмную фигуру, поднимающуюся снизу, словно зомби из любимых фильмов Ли, в которых мертвецы тянут мёртвые руки из земли.

Большая тёмная рука ухватила за верёвку. Над краем утёса показался человек. Призрачный мальчик схватил его за пояс и потянул. Гленнон вцепился в его куртку. Они вдвоём помогли человеку перевалиться через край и втащили на твёрдую землю.

– Где я? – человек сел, весь дрожа. На лбу его надувалась здоровенная шишка, по виску сочилась кровь.

– Это остров Филиппо! – Гленнон старался перекрыть ветер.

– Нет, нет, нет... – забормотал человек, пытаясь подняться на ноги.

Гленнон протянул ему руку, но человек отшатнулся. В его глазах блеснул ужас.

– Ещё один! – закричал призрачный мальчик. Он перегнулся через край обрыва, всматриваясь вниз.

– Остров Филиппо? – За их спинами спасённый упал на колени и начал отползать, словно спасаясь бегством. – Ост...

– Эй, помоги же! – закричал мальчик, и Гленнон отвернулся от раненого.

Ещё одна бледная рука вцепилась в верёвку. На мгновение рука стала прозрачной, словно кубик льда. Ещё один человек карабкался вверх. На руках его от напряжения выступили жилы. Гленнон вместе с незнакомым мальчиком помогли ему взобраться на утёс.

Он лежал, закрыв глаза, а на лице его застыла свирепая ухмылка.

– Как вы? – закричал Гленнон, надеясь, что этот человек в лучшем состоянии, чем первый.

– Я что, спасся? – удивился человек. Он открыл глаза, цвет которых был почти как его вылинявшая голубая рубашка. Взгляд его казался безжизненным.

Гленнон отстранился. Ему почему-то стало страшно. Но это же не одна из страховок Ли – бояться было нечего. Надо рассуждать здраво.

Он улыбнулся, стараясь не обращать внимания на страх, опутывавший его липкими лентами.

4

Матрос с бледной рукой пил кофе в кухне дяди Джоба. Каждый раз, когда он моргал, его глаза меняли цвет. Моргнул – и они белые, как свет от фар. Моргнул – и они серебрятся, как стекло в сумраке. Моргнул – и они уже светятся, как зажжённая свеча.

Чем больше Гленнон за ним наблюдал, тем больше он чувствовал неладное. То же самое он почувствовал, когда слишком сильно отдалился от маяка. И теперь он пытался прогнать это ощущение – вычерпать ложкой, выкопать лопатой... Маяк был единственным местом на острове, где мальчик чувствовал себя в безопасности. Но теперь сюда вторгся человек, чьи глаза напоминали ему о ночных кошмарах, о которых лучше было бы не вспоминать. Безопасного места больше не было...

Гленнон старался дышать глубоко и медленно, вспоминая, как папа говорил: «Твои лёгкие прекрасно работают. Прекрати задыхаться». Он стоял, прижавшись к стене кухни.

Промокшая одежда троих спасённых висела на крючках по стене, а сухая одежда дяди Джоба теперь болталась на плечах Эверетта и Гибралтара – двух взрослых, для которых она была слишком длинна и широка. Мальчик, которого звали Кит Пайк, был одет в свитер и джинсы Гленнона.

– Три жутких незнакомца пьют мамин кофе, – прошептала Ли в ухо Гленнону, испугав его. Она подкралась к нему бесшумно и встала сзади, прямо за спиной.

– Они не жуткие, Ли, не говори про них так, – произнёс он, радуясь, что она не обозвала их вампирами или ещё как-нибудь. Он не сводил взгляда с лица Эверетта, но его глаза уже перестали менять цвет. Теперь они стали похожи на обычные человеческие глаза цвета тёмной воды.

Мама налила Эверетту ещё кофе, и их руки на мгновение соприкоснулись. Она отшатнулась, стиснула кулак и прижала его к животу.

Гленнон снова почувствовал, что его будто выворачивает наизнанку.

«Защити маму, охраняй её, помоги ей!» – всегда вспоминал мальчик, когда видел, что она испугана. Гленнон всегда должен был защищать маму: так сказал папа, когда уезжал в первый раз. Защищать. Но только вот от чего он должен был защищать её сейчас? Может быть, она просто обожглась о горячий кофейник? Мальчик пытался одолеть тревогу, загнать её поглубже, но она продолжала мучить.

Эверетт оглянулся на Гленнона и улыбнулся. Улыбка была кривая, словно высеченная изо льда. Необычная.

- Будь умницей, добавь огоньку, - сказал Эверетт.

Гленнон в нерешительности взглянул на дядю, тот кивнул. Нельзя уходить, надо оберегать маму! Он знал, что дядя Джоб не допустит, чтобы что-нибудь случилось с ней. Но всё же... Гленнон уже никому не доверял. И не понимал почему.

Он прошёл в гостиную и расшевелил огонь кочергой. В трубу полетели искры. Кожей он ощутил тепло, но до костей оно не проникало. Они ныли от холода... или от воспоминания об ухмылке Эверетта и мамином испуге? Непонятно...

- Думаю, он тоже жуткий, - сказала Ли, и он ощутил на шее её дыхание.

Мальчик даже подскочил и вскрикнул от испуга. Зачем она всё время так бесшумно подкрадывается?

- Здесь что-то не так, - заметила она. Она прижимала к груди Симуса, держа его поперёк живота, так что его лапы болтались.

- Что не так - так это то, что корабль потерпел крушение и погибли люди, - возразил он, стараясь не обращать внимания на странное предчувствие.

- Нет, дело не в этом. Да, случаются кораблекрушения, они случались здесь сотни лет. Это факт. Тут другое. Вроде как... они вампиры...

Гленнон хлопнул себя по лбу.

- ...Или зомби, - продолжала Ли.

В мозгу Гленнона пронеслось видение - белая рука Эверетта и его неживые глаза.

- Зомби не бывает!

– А вдруг бывают?

– Глупости!

– Не глупости, – произнесла она спокойно. Девочка собралась что-то добавить, но тут ветер снаружи так взвыл, что у Гленнона волосы встали дыбом.

Гленнон поёжился – он знал, что Ли права: она-то глупостей не говорила.

– Наука утверждает, что существование зомби возможно. Если есть муравьи-зомби и пауки-зомби, почему бы людям не быть? Не думаю, что конец света вот-вот случится и случится именно здесь. Или что нас погубят именно зомби. Но зомби существуют. С этим не поспорить.

Ли соображала гораздо быстрее Гленнона. В споре она могла полностью заморочить ему голову.

В кухне заскрипели стулья, раздались шаги: все пошли в гостиную. Мама шла позади, неся блюдо с печеньем, которое приготовила утром.

Эверетт прошёл рядом с мальчиком и сел поближе к огню. Гленнон ощутил исходящий от него холодок. Матрос сел на диван возле огня и тут заметил Ли, стоявшую возле Гленнона. Симус зашипел, Эверетт отшатнулся.

– Какой огромный котище! Как его такого вывели?! – воскликнул он.

Ли крепче ухватила Симуса, держа как игрушечного мишку. От возмущения она покраснела.

– Ну, рассказывайте, – первый смотритель Орвелл сел за письменный стол у окна и достал большую тетрадь.

В гостиной стало тесно: трое матросов, трое смотрителей маяка, трое из семейства Маккью и кот. На такую толпу гостиная не была рассчитана. Ли не любила тесноты. Она выскользнула и ушла по лестнице с Симусом под мышкой. Никто, кроме Гленнона, этого не заметил.

– Не знаю, что ещё добавить про гибель «Анабет». – Улыбка Эверетта стала неестественной и постепенно потухла. Глаза его загорелись гневом. – Я уже рассказал, как это случилось. Десять человек погибли.

Гленнона замутило. Он видел, стоя на высоте, как озеро Верхнее поглотило десятерых.

– Если вспомните какие-нибудь подробности, скажите. – Смотритель Орвелл что-то записал. Сверху Гленнон увидел число десять.

– Вы не смогли помочь, – сказал Эверетт, пристально глядя на Орвелла.

Явно разгневанный смотритель Орвелл захлопнул тетрадь.

– Нам надо где-то спать, – заявил Эверетт.

– Кит может остаться здесь, – предложил Гленнон, желая помочь.

– Не стоит, – сказал дядя Джоб, и смотритель Орвелл согласно кивнул.

Гленнон не понял: что не так с его предложением?

– Да, прекрасная мысль. Кит может спать здесь на диванчике у огня, – сказал Эверетт. Прозвучало это как-то угрожающе, и Гленнон пожалел о своём предложении. – Кит останется здесь. А Гибралтар пойдёт со мной ещё куда-нибудь.

– Я? – спросил матрос с шишкой на лбу.

– Ну да, – отвечал Эверетт.

– Но я тебя не знаю, я не хочу идти с тобой! – воскликнул Гибралтар.

– Тихо, – Эверетт похлопал его по коленке. – Ты не в себе.

– Я тебя не знаю, – прошептал Гибралтар. На его лице застыло то самое выражение ужаса, которое появилось, когда Гленнон сказал ему, что он попал на остров Филиппо.

– Он может остаться здесь с Китом, – лицо Орвелла сморщилось, все мышцы напряглись, казалось, злоба заполнила все углы комнаты.

Сердце Гленнона заколотилось, он прижался к спинке стула, желая стать невидимым, и чтобы его мама и сестра тоже стали невидимыми.

– Ему плохо, – Эверетт понизил голос. – Ему надо быть с кем-нибудь знакомым.

Он скользнул взглядом по Гленнону и по его маме.

– Здесь в доме слишком много народу.

Все напряглись. Гленнон замер, вжимаясь в стул, уверенный, что сейчас случится что-то скверное. И всё стало как во время первого появления Эверетта: его кожа побелела ещё сильнее, лицо заблестело, глаза стали зеркальными. На Кита стало невозможно смотреть: он стал ослепительным, как солнце. Смотритель Орвелл замер. Его седые волосы завивались, словно снежные вихри...

Гленнон зажмурился, прогоняя видения: он не хотел видеть, во что его переутомлённый мозг превратит маму, дядю Джоба или Гибралтара. Он потёр глаза, понимая, что ему отчаянно хочется спать.

Открыв глаза, он увидел, что все встали и собираются уходить. Как же он пропустил конец спора? Что случилось?

В дверях Эверетт почесал лоб и обратился к маме, которая подала ему пакетик с печеньем:

– Вы живёте здесь, на острове?

– Я в гостях у брата, Джоба, – мама протянула пакетик печенья Гибралтару, который плёлся за Эвереттом, сильно обеспокоенный.

- Они здесь до тридцатого, - вмешался дядя.

- Они уедут до праздника? - спросил Эверетт, нахмурившись.

- Да, - ответил дядя Джоб.

Гленнон постарался выбросить эту фразу из головы, удивляясь, как прилипчивы эти слова, словно клей или жвачка. Никто никогда не объяснял ему прямо, что это за праздник. Насколько он мог понять, это праздник зимнего солнцестояния, 21 декабря. Самая длинная ночь в году. Но мальчик вспомнил не об этом - он вспомнил, что всё конечно: день рождения кончается на следующее утро, сладость пирога с тыквой кончается, когда он съеден, а объятия ушедшей в иной мир бабушки забываются.

Неважно. У них есть ещё четыре дня.

- Я бывал на этом острове много раз и присутствовал на праздновании. Прекрасный праздник - думаю, вам понравится! - сказал Эверетт, глядя на дядю Джоба, но обращаясь к маме.

Ещё четыре дня... Гленнон был уверен, что ему ничуть не понравится праздник. Почему никому, кроме него, не кажется таким пугающим то, что говорит Эверетт?

Эверетт открыл дверь и, выскользнув в бурную ночь, отправился за вторым зрителем Ортесом к нему домой. Первый зритель Орвелл сказал дяде Джобу что-то, чего Гленнон не расслышал, и вот в гостиной остался только Кит, свернувшийся под одеялом на диванчике.

Гленнон стоял в одиночестве. В голове у него был туман, как всегда после пережитого страха и потрясений. Ему всё это не нравилось, но он слишком устал, чтобы размышлять. Он направился было к себе, но заметил на столе маленькую книжечку в чёрной обложке. «Атлас острова Филиппо» - наверное, её выронил зритель Орвелл.

Гленнон захватил книжечку с собой, решив вернуть её завтра.

Наверху из маленького холла вели три двери – в комнату Гленнона и Ли, в мамину комнату и в комнату дяди Джоба. Гленнон повернул влево, уверенный, что найдёт там Ли мирно спящей с Симусом под боком.

– Сколько событий за один вечер! – Мама появилась в дверях своей спальни, напугав его.

Он опёрся на стену, заметив про себя, что сегодня слишком часто пугался. И почему все, кроме него, двигаются бесшумно, как привидения?

Мама спокойно стояла в дверях.

«Защити маму!» – твердили ему инстинкты. Но от чего же её надо защитить?

5

Гленнон стоял в маминей спальне, холодный деревянный пол казался тёплым его промокшим ногам. Кожа на руках покрылась мурашками. Тонкая футболка не слишком защищала от промозглого холода, пронизывавшего дом третьего зрителя в полночь. Мальчик не помнил, как сюда попал. Или он шёл во сне? В последний раз он ходил во сне, когда был совсем маленьким.

Он озадаченно смотрел на маму. Двухспальная кровать словно обрамляла её, маленькое тело едва вырисовывалось под красно-жёлтым одеялом.

Гленнон хотел вернуться к себе, но воздух перед ним словно сгустился, как клей. Сердце заколотилось так, что его удары отдавались в рёбрах. Озираясь, он остановил взгляд на лунном свете, лившемся в открытое окно. Полоса света отражалась на полу. Гленнон обратил внимание на маленький ночник у кровати и книжку, упавшую с полки и лежавшую обложкой вверх. И... протянутые лапы какого-то чудища!

Гленнона прошиб холодный пот, всё его тело заледенело. Чудище шагнуло вперёд. Тень словно расступилась, и из мрака появился... Эверетт. Он прижал палец к губам, призывая Гленнона к молчанию. Другой рукой он вытащил из

кармана моток тонкой верёвки.

Гленнон, не в силах шевельнуться, наблюдал, как Эверетт бесшумно подошёл к маме. Он медленно набросил серебристую верёвку на её тело, которая обмоталась вокруг неё, так что теперь Эверетт был соединён с мамой.

- Что ты делаешь? - с трудом выговорил разъярённый Гленнон.

- Ничего, - Эверетт помахал рукой. Кончики его пальцев дымились, а глаза блеснули в темноте, словно льдинки. - Ничего я не делаю, Глен.

- Терпеть не могу это имя! - воскликнул Гленнон.

- А мне нравится, - Эверетт потянул за верёвку. - Всё ты выдумываешь!

Гленнону показалось, что ногти Эверетта скребут по его руке, а не по верёвке. Он дёрнулся, чтобы избавиться от этого жуткого ощущения, заморгал и озадаченно огляделся. Он сидел на лестнице, ведущей к двери, а его рука тёрлась о перила.

- Ой! - воскликнул Гленнон, выпутываясь из паутины сна. Мальчик собрался с мыслями. Он ходил во сне? Он спал, и ему снилось... отчего же такой странный сон?

Маленькая тёмная тень скользнула перед лестницей. Крошечные коготки скребли по дереву. Гленнон вздрогнул. Таракан пробежал по плинтусу и исчез в щели. Гленнон вскочил и скрылся в спальне - он больше не мог видеть всякие ужасы.

«Три дня, - подумал Гленнон, проснувшись. - Продержаться на острове всего три дня - и вот она, свобода!»

Он выбрался из-под одеяла, схватил свой блокнот и уселся у окна на краю пустой кровати Ли. Он написал:

«Прошлой ночью озеро Верхнее бушевало и едва не поглотило корабль. Корабль разбился о скалу у берега, люди тоже погибли».

Он наклонил голову, посмотрел на запись под другим углом, прикидывая, выглядят ли слова на бумаге так же, как у него в голове. С записями всегда было трудно: в мыслях слова обретали форму, но она терялась при чтении вслух.

Потом он записал всю историю о том, как люди вскарабкались на утёс. Закончив писать, он вырвал страницы и спрятал их под кроватью в обувной коробке.

Затем он написал снова:

«Прошлой ночью корабль потерпел крушение перед маяком Грейвинг. Он налетел на скалы. Десять человек смыло за борт. Трое спаслись, вскарабкавшись на утёс».

Мальчик фиксировал только факты, и невозможно было догадаться, что из этого выдумка. Папа будет доволен.

В холле у лестницы стояла Лина. На груди у неё был рюкзак, из него торчала голова Симуса. Кот, не мигая, смотрел на Гленнона.

Гленнон сердито взглянул на него. Он всё ещё злился на кота за то, что упал из-за него с велосипеда.

– Кита нет внизу, – сказала Ли.

– Вот как? – отозвался удивлённо Гленнон; он хотел поговорить с тем мальчиком. – А как там мама?

– Думаю, в порядке, – Ли странно на него посмотрела, и мальчик сообразил, что задал вопрос, который они обычно задавали друг другу, когда родители ссорились.

«Как там мама?» – спрашивал один, а второй отвечал: – «Думаю, в порядке...». Хотя оба они знали, что это не так.

У него было стойкое ощущение, что с мамой что-то не так. Он попытался выбросить его из головы. Лучше не доверять чувствам. Папа говорил, что они могут обманывать: он слишком чувствителен, наверное, поэтому ему так часто снятся кошмары.

– Пойду посмотреть на «Анабет», ты со мной? – спросила Ли.

Гленнон вышел за ней на улицу. Термометр у двери показывал шестнадцать градусов, не то что ночью.

Острый край утёса перед маяком выглядел совсем иначе, чем во время шторма – он казался более угловатым, как будто кто-то специально заточил края, чтобы вместо пологой кривой получился зигзаг.

«Наверное, я неправильно запомнил. У меня очень плохая память», – сказал себе Гленнон. Это было почти правдой. Он всегда чувствовал, что память у него – как швейцарский сыр, и информация часто проваливалась прямо в дырки.

– Я чуть не погиб здесь, – сказал Гленнон. – Чуть не свалился с утёса.

– Ты, что, под ноги не смотрел? – спросила Ли.

– Я смотрел. Просто слишком торопился. – Гленнон вытянул руки, словно собрался взлететь.

Ли засмеялась. Гленнон всегда был рад развеселить сестру. Он чуть-чуть прошёл вперёд на цыпочках. Мальчик стоял достаточно далеко от обрыва и смотрел на бескрайнее озеро с безопасного расстояния.

Гленнону всегда казалось, будто озеро Верхнее чего-то выжидает. Он крепко стоял на ногах, готовый встретить такой же внезапный яростный всплеск стихии, как вчера ночью. Ли говорила, что озеру нравится топить людей.

– Столько злости... – проговорил Гленнон.

- У кого? - удивилась Ли. - Мама не злилась.

- У озера... - Он махнул рукой в сторону воды. - Оно просто в ярости.

- Да нет, - возразила Ли, - если озеро - женщина, ему не позволено злиться. Если ты хочешь говорить про озеро как про живое существо, это должен быть мужчина.

- Женщины тоже бывают в ярости!

- Мама не позволяет себе злиться.

- А ты вот злишься на меня, - мальчик наморщил нос.

- Ну... иногда... но не всерьёз.

Это была правда: они иногда спорили, но между ними никогда не бывало той ненависти, которая вчера изливалась из озера.

- Ты говоришь о ненависти, которая поглощает всё вокруг. Я только раз видела, как папа...

- Не надо об этом, - прервал её Гленнон.

Ли не обратила внимания на его слова и продолжала:

- Если ты считаешь, что озеро - это женщина, то она просто чудовище.

- И чем это лучше слова «злюка»?

- Мне нравятся чудовища, - ухмыльнулась Ли.

Симус тоже ухмыльнулся, показав острые клыки.

Внезапно скала под Гленноном зашаталась. Он напряг ноги и вытянул руки, чтобы удержать равновесие. Как и вчера, у мальчика закружилась голова, как будто ветер подхватил его и готов перебросить через край обрыва.

- Ты лететь собрался? - спросила Ли, удивлённо глядя на Гленнона.

- Нет, я... - Гленнон опустил руки, увидев, что Ли стоит совершенно спокойно, - то есть ты ничего не почувствовала?

- Что не почувствовала?

- Скалы покачнулись. Я вытянул руки, чтобы не упасть.

- Не качались они. - Ли немного расстегнула молнию, и Симус спрятал голову в рюкзак. - Ничего не двигалось.

Гленнон неуверенно шагнул прочь от края утёса.

- Пойду вниз к озеру. - Ли направилась к крутой лестнице, которая вела на пляж, расположенный под маяком.

Гленнон не двинулся с места. Ему нужно было время, чтобы прийти в себя, прежде чем спуститься, чтобы увидеть «Анабет» вблизи.

- Идёте на корабль посмотреть? - вдруг раздался голос сзади.

Гленнон обернулся, но свет маяка ослепил его, словно он слишком долго смотрел на солнце. Мальчик протёр глаза, посмотрел вверх и увидел Кита. Тот стоял, скрестив руки и прислонившись к башне. Его развевающиеся на ветру волосы напоминали бурую пряжу, выгоревшую на солнце и отсвечивающую желтизной.

- Я думал, ты ушёл, - сказал Гленнон, снова протирая глаза.

- Нет ещё. - Кит подошёл и встал рядом.

Гленнон почувствовал себя увереннее и взглянул на озеро.

Корабль лежал на боку. Во время шторма волны прибили его к скале. Сегодня утром озеро Верхнее было таким спокойным и прозрачным, что корабль было видно целиком. Даже та часть, что находилась под водой.

Гленнон поспешил отвернуться, так как понял, что видит под водой тела погибших.

- Ужасно. - Кит пристально смотрел на корабль.

Гленнон хотел бы знать, что тот видел, ведь вчера Кит сам был на этом корабле. Должно быть, он чувствовал себя отвратительно.

- И как только тебе удалось забраться по утёсу во время шторма? - сказал Гленнон.

- Адреналин, - ответил Кит. - В таком состоянии люди могут и автомобиль поднять.

- Как ты оказался на «Анабет»?

- Меня взяли посмотреть, где работает мой...

- Твой папа? Твой отец был на борту? Он жив?

- Да! То есть нет... ладно... - Кит потёр лоб, Гленнон увидел, что правое ухо у него распухло, порвано по краю и почернело. Гленнону стало дурно.

- Не хочу говорить об этом!

У Гленнона слова застряли в горле - с ним часто такое бывало от смущения. Он не знал, что ещё сказать. Мысли его то ли крутились в голове слишком быстро, то ли, наоборот, замедлились. Он открыл было рот, но ничего не смог вымолвить.

Кит отошёл от края и двинулся влево вдоль скалы. Поворачивая за маяк, откуда выходила Ли, он обернулся и крикнул:

– До встречи, Гленнон!

Гленнон повернулся к озеру: вдоль берега плыл чёрный корабль, направлявшийся к обломкам. На борту виднелась крупная надпись «БЕРЕГОВАЯ ОХРАНА» и название «Москит». Вокруг сверкали воды озера. Гленнону показалось, что озеро насмехается над ним, и он лишился дара речи.

Он повернулся, чтобы пойти следом за сестрой, но замер, как только озеро оказалось у него за спиной. Волосы его встали дыбом. Сзади на него смотрело нечто ужасное. Он медленно повернулся – и, конечно, увидел только озеро и его смеющиеся воды.

– Спокойнее, – сказал себе Гленнон.

Озеро не собиралось нападать на него. Оно не могло выпустить из воды щупальца и утащить его. Оно не чудовище... Может быть, Эверетт чудовище, но не целое же озеро!

Гленнон запнулся на слове «чудовище». Он смотрел фильм «Бездна»[2 - В фильме рассказывается о том, как подводная лодка потерпела крушение на огромной глубине, и всем членам экипажа пришлось столкнуться с неведомым. (The Abyss, 1989.)] – Ли его заставила. Папа говорил, что чудовища не настоящие, но фильм был впечатляющий. Там под водой жили странные существа.

«Прекрати, – он услышал в голове сердитый голос папы. – Ты прямо как Ли, если веришь, что Эверетт – это чудовище из озера».

Постучав себе по голове, Гленнон постарался перестать думать о чудовищах. У него нет такого богатого воображения, как у Ли. Но чем больше он старался, тем навязчивее становились мысли. И тем сильнее он чувствовал пристальное внимание озёра к нему самому. Но ведь такого не может быть, что Эверетт появился прямо из озера, а не спасся с тонущего корабля?

Гленнон шагал вниз по ступенькам лестницы, ведущей на пляж. Она шла не по краю утёса, а спускалась по склону холма справа от домов зрителей. Лестница была деревянная и иногда изгибалась серпантинном на особенно крутых участках склона. В одном из таких мест, на полпути к озеру, Гленнон оглянулся и посмотрел вверх, на маяк Грейвинг, возвышающийся над соснами.

Маяк стоял на краю утёса как часовой, его белая верхушка и тёмная середина чётко вырисовывались на ясном небе. Гленнон подумал, что маяк сейчас спит, а его огромный глаз-прожектор закрыт, как будто Грейвинг отдыхает, чтобы набраться сил к ночи. Глядя на маяк, мальчик думал о том, сколько кораблекрушений он видел, на скольких похоронах присутствовал и сколько раз он был последним, что видели те несчастные, кто исчезал в опасных водах.

Даже спящий, маяк охранял его, а сила тяжести толкала мальчика вниз по ступенькам к месту крушения.

Лестница выходила прямо к краю озера и странным пляжам. На острове Филиппо не было пляжей с песком или мелкой галькой, к которым привык Гленнон. Здесь царствовали каменистые поверхности, похожие на застывшую лаву.

Недалеко от пляжа лежала груда искорёженного металла – «Анабет». На ярко-красном корпусе проступали разошедшиеся сварные швы. Гленнон вспомнил гибель корабля и жуткий рёв воды, врывающейся в трюмы. Он оглянулся на Ли, которая съёжилась, охватив руками колени. Мальчик перешагнул через участки дёрна, залитые водой, и подошёл к сестре. Симус сидел рядом с ней, глядя не на море, а на трёх маленьких серых крыс, деловито поедавших жёлуди между корнями дуба.

Над водой разносились отдалённые голоса: на борту судна береговой охраны, подошедшего вплотную к разбитой штормом «Анабет», кто-то разговаривал.

Ли внимательно смотрела на судно, Гленнон же избегал этого.

- Гляди, - прошептала Ли.

Гленнон увидел, как три человека в снаряжении ныряльщиков спрыгнули с борта судна береговой охраны. Мальчик вздрогнул: он не мог вообразить, как можно добровольно погружаться в холодную воду. Гленнон согласился бы нырнуть в озеро, только если бы у него не было иного выбора.

Гленнон отвёл взгляд. Ему не хотелось видеть, как исчезнут ныряльщики. Мальчик посмотрел на воду перед Симусом. Из глубины на него смотрело лицо: глаза, лишённые век, не моргали. Щёки и губы были раздуты. Волосы шевелило озёрное течение. Эверетт...

Гленнон отскочил, ударившись ногой о камень. Симус протянул лапу и взболтал воду. Лицо исчезло. Маленькая рыбёшка шарахнулась от кошачьей лапы, и, когда Гленнон снова решился взглянуть на воду, там не было ничего, кроме камней на дне. Лицо исчезло.

- Похоже на ныряльщиков в «Челюстях»[3 - Всемирно известный фильм (Jaws, 1975) о том, как гигантская акула нападала на людей.], - заметила Ли.

Гленнон вытер вспотевшие ладони о джинсы. Он опустил голову на колени, пытаясь успокоиться.

- Когда ты смотрела «Челюсти»?

- И ещё «Кассандру»[4 - Фильм ужасов. (Cassandra, 1987.)], - добавила она.

Ли видела все фильмы ужасов, а Гленнону нравилось лишь что-то вроде «Волчонка»[5 - Приключенческий фэнтези-фильм о том, как подросток узнаёт, что он может превращаться в оборотня (Teen Wolf, 1985).] - это на самом деле не ужастик вовсе. Если бы папа узнал, что Ли тайком ходит в кино смотреть ужастики, он бы рассердился. Однажды он её уже подловил, найдя билет на столике в её комнате.

«Лина! Твоему богатому воображению помощь Голливуда не требуется!» - вспомнил Гленнон сердитый голос папы через стенку.

Потом Гленнон обнаружил сестру между кроватью и стенкой, закутанную в одеяло и с Симусом на руках. Он не знал, что делать. И поставил рядом с ней коробку с гранолой. Лили высунула пальцы из-под одеяла и взяла горстку.

Но потом... Ли всё равно продолжила ходить в кино. Гленнон бы не решился.

– Интересно, сохранятся ли тела в озере, – пробормотала Ли.

– Фу, – фыркнул Гленнон, думая о своём. Он, конечно, ожидал от сестры подобный комментарий, хотя каждый раз, когда она говорила что-нибудь в таком роде, ему слышалось, как папа велит ей прекратить.

Это было мучительно.

– Я пойду. – Он поднялся, ему не хотелось больше смотреть на озеро.

Справа от Гленнона тянулась дорожка, обсаженная деревьями. Пляж изгибался полумесяцем вокруг маленькой бухты, в которой было несколько крошечных островков. Мальчик ушёл далеко от Ли, на другой конец бухты, где острова заслоняли вид на маяк и «Анабет».

Там он встретил Таунсенд – она жила у маяка напротив Грейвинга. Её папа был метеорологом и изучал экосреду озера. Насколько знал Гленнон, мамы Таунсенд на острове не было, и они жили у смотрителя маяка, которого Гленнон видел лишь однажды.

Гленнон иногда общался с Таунсенд раньше и не знал, друзья они или как. Не то чтобы она была недружелюбна, но она никогда не искала поводов общаться с ним или с Ли... Да и он тоже.

Она сидела в лодке, надвинув на лоб капюшон чёрной куртки. Лицо её было в тени, что выглядело странно, потому что она сидела лицом к восходящему солнцу.

Одна её рука лежала на моторе на корме лодки. Гленнон уже видел, как она объезжает остров Филиппо, так что не удивился, увидев её здесь. Его удивило другое: Кит стоял рядом с ней, на самом краю пляжа. Ноги его были почти в

воде.

- Привет, - сказал Гленнон.

Они на него даже не взглянули. Дети уставились друг на друга с таким хорошо знакомым Гленнону разгневанным видом...

Гленнон замер, словно прирос к земле. Почему-то он всегда напрягался, оказавшись свидетелем ссоры, даже если его она вовсе не касалась. Такое выражение лица всегда появлялось у папы, когда он сердился: например, когда выговаривал Ли за ужасики. Гленнону всегда хотелось, чтобы это выражение появлялось до того, как папа разгневается: тогда можно было бы подготовиться. Но с гневом так всегда: никогда не знаешь, когда произойдёт взрыв.

- Привет, Гленнон, - наконец сказала Таунсенд.

- Привет, - повторил Кит.

Гленнон облизнул внезапно пересохшие губы.

- Вы знакомы? - спросил он.

- Нет. Мы только что познакомились, - Таунсенд натянула капюшон чёрной куртки, которую она всегда носила, ещё ниже на лоб. Куртка была старая, у неё был такой вид, как будто её сшили лет сто назад и она выдержала тысячу штормов.

- Думаю, мы можем подружиться, - заметил Кит.

- У меня достаточно друзей, - отрезала Таунсенд.

- Но всегда можно завести ещё. Правда, Гленнон? - спросил Кит.

Гленнон поморщился.

– Ну-у-у, – протянул он. Он не любил присутствовать при спорах, но ещё больше не любил в них участвовать.

– Друзья нужны только для того, чтобы не чувствовать себя одиноко, а я не одинока, – заявила Таунсенд. – И, думаю, Глен тоже.

Было ли ему одиноко? Гленнон понятия не имел, но сейчас ему вовсе не хотелось об этом задумываться.

– Мне нравится иметь друзей, – сказал он наконец. – Но не слишком много. Сколько надо. Достаточно. Друзья – это хорошо. Хорошие друзья – это хорошо.

Хорошие друзья – это хорошо? Да что он такое несёт?!

Таунсенд и Кит уставились на него. Таунсенд откинула капюшон, и сердце Гленнона заколотилось: лицо её казалось пропитанным водой, сморщенным и серым, как будто лицо утопленника, которое он недавно видел, стало одним целым с лицом Таунсенд.

Мальчика замутило. Но уже через секунду кожа Таунсенд стала белой и гладкой. Длинные чёрные волосы спускались по плечам.

– Верно, Глен, – сказал Кит, отвлекая его внимание от Таунсенд, – хорошие друзья – это хорошо.

«Меня зовут не Глен», – подумал Гленнон.

– Ага, – добавила Таунсенд, – хорошие друзья – это хорошо.

Гленнон с трудом заставил ноги слушаться и отступил на шаг.

– Я... я пойду на маяк.

Он медленно повернулся лицом к озеру. К нему вернулось ощущение опасности. Озеро-чудовище словно овладело им. Мальчик заставлял себя сохранять спокойствие. Он часто дышал, совсем как Ли, когда её что-то напугает.

– Может, мы и не друзья, – сказал Кит, – но я думаю, что мы с Гленноном могли бы стать лучшими друзьями. Друзьями... навсегда.

Внезапно перед глазами Гленнона мелькнул ослепительный свет и словно ударил его в грудь. Молния рассекла небо. Мальчик прижал руку к груди, как раз к тому месту, которое ушиб вчера, упав с велосипеда.

Воздух затрещал от электричества. Блеск молнии, яростный спор и внезапно потемневшее небо наконец заставили ноги Гленнона послушаться и броситься бежать.

– До встречи, Гленнон! – прокричала Таунсенд.

Мальчик бежал, спотыкаясь о камни. На утёсе показался маяк Грейвинг. Глаз его моргал, посылая луч света и отталкивая тьму надвигающегося шторма.

«Три дня, – думал Гленнон. – Осталось потерпеть три дня!»

Он спешил к маяку, под его защиту.

7

Больше молнии сквозь облака не прорывались, но небо стало сине-чёрного цвета, который сразу напомнил Гленнону уроки рисования, акварель и банки с грязной водой. Пока он шёл к дому третьего зрителя, грудь болела так, словно в лёгких поселилось тяжёлое воспаление, но кашля не было.

Когда мальчик подходил к дому, изнутри раздался вопль – мама!

Он влетел в гостиную и увидел маму, стоявшую на подлокотнике дивана. Дрожащим пальцем она указывала себе под ноги. Крыса вонзила в диван острые когти и драла обивку. Что-то было неправильное в том, как она двигалась, в клочковатом мехе на спинке. Гленнон бросился к камину и выхватил головешку.

Гленнон бросился к крысе и подпалил ей шкуру, согнав с дивана. Она свалилась на спину. Мальчик размахивал головешкой, готовый снова огреть ею крысу, если та приблизится к маме. Но крыса не шевелилась. Она лежала неподвижно, не дыша.

Неужели он её убил? Он же едва дотронулся до неё!

– Странно. – Мама слезла с дивана. От её ног на подушках остались вмятины.

Существо было уже почти скелетом. Тело крысы распадалось у них на глазах. Оно сложилось пополам, расплющилось и по краям превращалось в пыль. Мама и Гленнон нагнулись над ним. Мальчик зажал нос, чтобы не чувствовать трупной вони, распространявшейся от маленького тельца.

– Никогда такого не видела, – сказала мама. – Должно быть, она была больна. Не трогай! – Она схватила Гленнона за руку, хотя он и не собирался трогать крысу. – Принеси миску с кухни.

Гленнон принёс одну из тяжёлых мисок, в которых мама мешала тесто для печенья. Мама накрыла крысу и придавила её тяжёлыми вещами, словно крыса могла ожить, как животные-зомби, которых так любила Ли.

– Попросим Джоба выкинуть её. – Мама отряхнула руки.

– Миску надо будет отчистить, – заметил Гленнон.

– Ты не хочешь есть из посуды, где лежаладохлая крыса? – засмеялась мама.

Гленнона передёрнуло. Мама снова засмеялась.

– Где твоя сестра? – спросила она, и Гленнон заметил, какая мама бледная. Крыса её здорово напугала, и это напугало его. – Нам нужно ехать в город, купить билеты на паром, который отходит тридцатого. Надо ещё купить овощей и новые ботинки тебе и сестре. Знаю, что ты не любишь выполнять поручения, но мог бы папе письмо послать.

Гленнон торопливо взбежал по лестнице. У себя в комнате он вытащил из-под кровати коробку с блокнотом и вырванными листками. Он всегда держал отдельно то, что писал для себя, и то, что хранил для папы. Они всегда переписывались, когда папа был в отъезде. Хотя иногда Гленнон нескоро получал ответ: папа был очень занят работой.

- Этот атлас врёт. - В дверях появилась Ли. Под весом Симуса рюкзак низко болтался у неё на животе.

- Что? - спросил Гленнон, не поднимая глаз: он подписывал конверт.

- Атлас у тебя на полке. Там два десятка карт острова Филиппо, но они все разные. И я насчитала пятьдесят четыре маяка. Но их точно столько нет. И маяки на разных картах разные. Даже Грейвинг есть не на всех.

Подняв глаза, Гленнон увидел чёрную книжечку.

- Это зрителя Орвелла. Положи на место.

- Ты пишешь письмо папе?

- Ну да, - он лизнул конверт, чтобы заклеить, - хочешь добавить своё письмо?

- Зачем? Он не ответит.

- Отвечает.

- Не очень-то. Ты исписываешь ему много страниц, а он присылает красивые открытки. А это не одно и то же.

- Если папа тебя не любит и ты не хочешь ему писать, это не значит, что я тоже не буду. Мне нравится получать открытки. - Гленнон сжал зубы, уже жалея о своих словах. Никто никогда не говорил, что папа не любит Ли. Все делали вид, что не замечают этого.

Ли сощурилась:

– Ты думаешь, папа тебя любит?

Гленнон молча засунул письмо в карман, зная, что лучше прекратить этот разговор, чем бесполезно препираться с сестрой.

Мама уже села в машину и завела двигатель. Её «Тойота Камри» была старая, ещё бабушкина, с пробегом больше двухсот тысяч миль, но мама не хотела покупать новую машину. Ли села впереди, а Гленнон – на заднем сиденье.

– Что с тобой? – спросила Ли, и Гленнон заметил, что мама прижимает ладонь к животу.

– Изжога. Думаю, сегодняшней завтрак плохо улёгся.

Гленнон услышал, как Ли что-то рассказывает о фильме «Чужой», и перестал прислушиваться к разговору.

Дорога проходила по краю острова, иногда так близко к обрыву, что, казалось, вот-вот уйдёт в воду. Гленнон откинулся на сиденье и разглядывал озеро. Дядя Джоб говорил, что вода очень холодная и скоро совсем замёрзнет. Человек в ней не продержится и часа.

Дорога резко поворачивала и устремлялась к бухте Каукауна, к порту. Большие корабли осторожно обходили друг друга. Когда семья впервые была в городе, Гленнон застал параллельную парковку крупных судов у разгрузочного терминала. Зрелище было впечатляющее.

Непонятно почему, но остров Филиппо и здесь не отпускал мальчика. Гленнон чувствовал его, словно голод или прикосновение льда. Почти то же самое он ощущал, стоя рядом с Эвереттом: что-то не так. Но что – он не мог объяснить.

Может быть, это потому, что здесь собралось слишком много разных кораблей? И деревянные баркасы, и парходики, и колёсные суда, и шхуны под огромными парусами, похожие на пиратские корабли...

Они медленно въехали на главную улицу. Там, как и в порту, кипела жизнь. Люди ходили прямо по мостовой, словно не знали, что она предназначена для машин, а для пешеходов есть тротуар.

– Мама, почта! – закричал Гленнон, приподнявшись на сиденье, когда они подъезжали к почтовому отделению.

– Дойди пешком. Я встану перед овощным. – Мама направила машину на стоянку.

Ли не пошла с мамой.

– Пойду на пирс, – сказала она и направилась прямо по улице.

Симус выбрался из рюкзака и устроился у неё на плечах, разглядывая дома и людей вокруг. Гленнон обратил внимание на женщину, выходящую из магазина. Её длинное платье было совершенно таким же, как у его сестры на школьном празднике.

Когда Гленнон входил на почту, звякнул дверной колокольчик. Почтовый служащий оторвался от дел и поднял голову. Его тёмно-синяя шляпа совсем не была похожа на бейсболку, в которой ходил почтальон там, дома.

– Одну марку, пожалуйста, – сказал Гленнон, положив письмо на стойку.

– Минутку. – Служащий оторвал марку от листа и прилепил её на конверт. – Два цента, пожалуйста.

Гленнон нахмурился. Его всегда удивляло, что здесь такие дешёвые марки.

– Разве не пятнадцать?

– Почему пятнадцать-то?

– А разве не так? Марки всегда стоят пятнадцать центов. – Он много раз покупал марки в последнее время, и они никогда не были дешевле пятнадцати, особенно для международной почты. Наверное, раньше они и стоили меньше, но не теперь.

Порывшись в карманах, Гленнон достал пять центов, которые дала ему мама. Получив три цента сдачи, он зажал монетки в руке. Колокольчик у двери звякнул, и вошла женщина.

– Скажите, пришли ли мои посылки? – Она улыбнулась Гленнону.

– Конечно, мисс Лейси. Вы заказывали несколько хороших книг? – спросил служащий.

– Я постаралась. Заказала столько книг, что хватит до конца века! – Она засмеялась, и её смех был похож на звон дверного колокольчика.

– Готовитесь к празднику?

– Как обычно!

Гленнон непроизвольно напрягся, услышав это. Пытаясь справиться с собой, он прослушал часть разговора между почтальоном и мисс Лейси.

– Я раньше тебя здесь не видела. – Гленнон понял, что женщина обращается к нему.

– Я здешний, – сказал он не задумываясь, – мой дядя Джоб Джонсон. Он третий...

– ...Смотритель маяка Грейвинг. Значит, ты Гленнон. Я слышала, что вы живёте около Грейвинга и скоро собираетесь уезжать. – Выражение лица мисс Лейси изменилось. Она уже не улыбалась. – Я знаю твоего дядю. Он часто приходит ко мне в библиотеку.

– Не знал, что он читает книги, – заметил Гленнон.

– Он много читает. Особенно любит фэнтези.

Гленнон был удивлён.

– Ты спросил бы его как-нибудь. Если тебе понадобится книга, заходи.

Тут появился почтовый служащий с тележкой, нагруженной коробками. Женщина протянула руку, и Гленнон увидел несколько красных шрамов на смуглой коже. Они напомнили ему молнию, сверкнувшую сегодня в небе.

Гленнон поспешил уйти с почты, прежде чем его воображение разыграется и он увидит молнию, как уже видел лицо Эверетта в воде.

– Сходи за сестрой, – окликнула его мама с тротуара. Она загружала покупки в багажник. – Пойдём искать для вас ботинки.

Гленнон не стал возражать, но поднял воротник куртки и уткнулся туда подбородком, словно старался стать невидимым. Ему казалось, что за ним наблюдают, словно кто-то подглядывает за ним через жалюзи на верхних этажах.

Добравшись до порта, Гленнон почувствовал себя словно муравей среди гигантов. Он проскользнул в ворота в железной изгороди. Цепь поперёк ворот преграждала въезд автомобилям.

Засмотревшись на суда, Гленнон уткнулся в грудь человека раза в два больше себя.

– Простите, – Гленнон остановился и одёрнул куртку.

– Это ты! – человек до боли крепко схватил Гленнона за плечи.

Теперь Гленнон его узнал: это был Гибралтар, матрос, который вскарабкался на утёс с Эвереттом и Китом.

Человек нагнулся так низко, что Гленнон мог сосчитать золотистые проблески в его тёмно-карих глазах. Дрожащим голосом он спросил:

– Скажи, пожалуйста, малец, ты уже придумал, как выбраться с этого острова?

– А зачем выбираться? – Гленнон постарался освободиться от хватки матроса.

– Ну... разве ты не... но... – матрос стал запинаться, его зрачки расширились.

Гленнон видел такие глаза у Ли, видел такие глаза и у мамы... и у себя тоже, когда всматривался в зеркало.

Матрос вдруг отпустил Гленнона, и тот покачнулся.

– Как ты терпишь всё это? Что этот остров заставляет тебя чувствовать? – Гибралтар схватился за голову. – Надо бежать отсюда!

– Это остров. Отсюда так просто не уедешь на машине. Нужна лодка или что-то такое. – Гленнон сразу же пожалел о своих словах: наверное, этот человек боится плавать. Он же только что чуть не погиб в море...

– Отсюда не ходят корабли, – сказал матрос.

– Их же здесь полно! – Гленнон указал на порт.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Озеро Верхнее существует на самом деле. Оно расположено в Северной Америке, на границе с Канадой, одно из Великих озёр. Индейцы называли его «Большая Вода». Самое большое по площади озеро в мире! (Здесь и далее примеч. ред.)

2

В фильме рассказывается о том, как подводная лодка потерпела крушение на огромной глубине, и всем членам экипажа пришлось столкнуться с неведомым. (The Abyss, 1989.)

3

Всемирно известный фильм (Jaws, 1975) о том, как гигантская акула нападала на людей.

4

Фильм ужасов. (Cassandra, 1987.)

5

Приключенческий фэнтези-фильм о том, как подросток узнаёт, что он может превращаться в оборотня (Teen Wolf, 1985).

Купити: https://tellnovel.com/brandt_dzhulianna/legenda-o-starom-mayake

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)